

— Хорошо.

Столь скорый ответ застал Шэнь Няня врасплох. Сквозь затуманенные слезами глаза он увидел, что черноволосый и черноокий Повелитель демонов больше не хранит пугающее молчание, а лениво и дерзко улыбается.

Даже понимая, что это лишь игра, Шэнь Нянь на мгновение поддался очарованию властного взгляда и замер на месте, не в силах пошевелиться.

Гу Шишу небрежно склонился к нему и, слегка согнув палец, смахнул слезинку с его щеки. Жест был двусмысленным, словно он обращался к давнему возлюбленному, но слова прозвучали холодно:

— Ты хочешь остаться в моем дворце. А что ты умеешь делать?

А?

Этот вопрос выходил за рамки приготовлений Шэнь Няня. Он совершенно не рассчитывал, что ему придется чем-то заниматься. В его представлении пребывание в демоническом дворце означало, что его будут принимать как дорогого гостя, а он, пользуясь случаем, будет сближаться с Гу Шишу, пока не станет его единственным спасением и не выполнит задание. В кланах демонов и во дворцах императоров людей все всегда проходило именно так.

Видя, как юноша растерялся и замешкался с ответом, Гу Шишу почувствовал легкое разочарование. Если бы у этого человека не было ореола всеобщего любимца и готового сценария, он, вероятно, не справился бы даже с элементарной импровизацией.

Повелитель выпрямился и равнодушно произнёс:

— Можешь остаться. Но бездельников я не держу. Пожалуй, будешь подметать полы.

Шэнь Нянь несколько секунд пребывал в полном оцепенении, прежде чем осознал: его оставляют во дворце... дворником. Он в неверии распахнул свои красивые глаза, чувствуя, как лицо все еще жжет от лукового сока, вызвавшего слезы.

Он принялся отчаянно звать к Системе, но даже она не могла понять, что происходит. Система, прекрасно зная характер своего подопечного — тот был не из тех, кто привык к трудностям, — поспешила успокоить его:

— Не волнуйся, Хозяин. Сложность соблазнения Повелителя демонов оправдана. Под влиянием ореола он наверняка уже проникся к тебе симпатией, просто не хочет признавать это. Даже если придется мести полы, у тебя появится возможность быть с ним рядом каждый день. Неужели ты боишься, что не приручишь его?

Шэнь Нянь неохотно призадумался. В этом была доля логики. Возможно, это такой способ проявления симпатии — сначала поиздеваться над тем, кто нравится. К тому же, сюжет с дворником напоминает классическую историю о властном генеральном директоре и скромной работнице.

Он быстро взял себя в руки, молясь, чтобы его замешательство не было слишком заметным, и выдал Повелителю самую кроткую улыбку:

— Благодарю, Повелитель! Я... я очень рад, что могу остаться. Я буду стараться!

Как фальшиво.

В душе Гу Шишу не дрогнуло ни единого мускула. Напротив, у него разболелась голова. Если бы не необходимость до конца изучить методы этого главного героя, он бы ни за что не позволил ему даже показаться на глаза.

Увы, то, о чем твердило Небо — призови его и одолей, — нельзя было решить простым игнорированием. Он обязан найти слабое место этой парочки — человека и Системы, — чтобы перед лицом всего мира сорвать маску с Шэнь Няня. А для этого он не должен показывать, что перестал подчиняться чужой воле, и обязан усыпить бдительность врага.

Как же это утомительно.

Гу Шишу был человеком дела. Чтобы найти способ переломить ситуацию, он вновь погрузился в чтение черной книги.

Со вздохами, потирая виски и порой не в силах смотреть на написанное, он проследил весь путь Шэнь Няня. Сначала тот соблазнил Императора демонов, затем — Императора людей. Оба, обманутые и телом, и душой, были преданы ему до гроба, но Шэнь Нянь, придумывая предлоги, каждый раз вынужден был временно уходить, прикрываясь вымышленной неизлечимой болезнью, требующей уединения.

Эти двое дураков, день и ночь тоскующие по своей красавице, — Гу Шишу невольно подумал, что они, вероятно, верили в ответную нежность, даже не подозревая, что их возлюбленная уже сменила обличье, чтобы соблазнять других.

Неужели это и есть то самое единственное спасение, тот свет, который должен был исцелить их души? Он в это не верил.

Гу Шишу читал, пытаясь убедить себя, что все описанные события к нему не имеют никакого отношения. Он четко проводил грань между собой и тем идиотом из книги. Это всего лишь

персонаж. Как он уже думал раньше, он читал и не такие глупости.

Его палец замер на странице. Взгляд снова приковало одно имя: Меч Цинчэна, Фу Тинсюэ. Человек, чей клинок быстрее небесной кары.

Он моргнул и, призвав Небо, спросил:

— Фу Тинсюэ — влиятельная фигура, почему Шэнь Нянь не соблазнил его?

В восьми пустынях, среди людей, демонов и небожителей, дитя удачи уже спасло обоих владык. Однако в мире совершенствующихся на виду был Меч Фу Тинсюэ, а в тени — Повелитель демонов Гу Шишу. Если бы не события столетней давности, сила Фу Тинсюэ, возможно, не уступала бы его собственной. И все же тот оставался непревзойденным мастером меча, чистым и благородным, главой праведных сект. Найти наставника выше него было невозможно.

Впрочем, стоило Гу Шишу задать вопрос, как он понял, что спросил глупость. Он провел рукой по строчкам о спасении злодея и мрачно усмехнулся:

— Конечно, он не злодей. Зачем ему чье-то спасение? Это я мыслил слишком узко.

Страницы, в которые превратилось Небо, задрожали в его руках — демонический вид Повелителя пугал его. Но ответить было необходимо. Текст на страницах исчез, и медленно проступила новая строка:

— Фу Тинсюэ следует Пути Бесстрастия.

Гу Шишу смотрел на эту надпись несколько секунд, а затем беззвучно рассмеялся еще громче. Отсмеявшись, он снова принял равнодушный вид, будто этот эпизод не оставил в его душе и следа, и лениво постучал пальцами по черной книге:

— Ну и не повезло же ему. В глазах дитя удачи он оказался бесполезен для соблазнения, зато стал злодеем.

Именно так. Под влиянием Шэнь Няня репутация демонов в книге постепенно восстанавливалась, они превращались в трагических героев с тяжелой судьбой, в то время как из-за его очернения Пути Меча великие праведные секты стали восприниматься как сборище лицемеров.

Все любят смотреть, как злодеи встают на путь исправления, но не могут простить праведнику

ни одной ошибки.

Гу Шишу был готов признать слова Шэнь Няня о том, что здесь все такие хорошие, самой смешной шуткой, которую он слышал за последние сто лет. Хотя он и соглашался с тем, что в праведном пути мало хорошего, это не означало, что там нет достойных людей. И наоборот: утверждение, что среди демонов есть хорошие люди, не делало демонов в целом лучше.

Будучи Повелителем демонов, он как никто другой знал о жадности, безумии и похоти окружающих. Но люди, далекие от этого, так легко судили о целых группах по паре человек.

К слову, Шэнь Нянь все еще носил титул бедного ученика, которого притесняют собратья, и формально принадлежал к секте Цинчэн, а значит, находился под началом Фу Тинсюэ.

Гу Шишу вспомнил абсурдный эпизод мести из книги.

В книге он, ослепленный ореолом всеобщего любимца, поддался на уговоры Шэнь Няня и отправился на гору Цинчэн, чтобы разобраться с Фу Тинсюэ. Он теснил беловолосого мастера меча, нанося удары, которые едва не привели того к гибели и потере уровня совершенствования.

Он насмеялся над ним прямо перед алтарем секты, используя самые ядовитые слова. Все пики Цинчэна пострадали от его демонической ци, люди жили в постоянном страхе.

Какая жалкая драма мести.

В книге он еще и дал Шэнь Няню таблетки для повышения духовной силы и божественное оружие, чтобы тот сам расправился с обидчиками-собратьями. Получив такую возможность, Шэнь Нянь, разумеется, убил или покалечил всех, кто ему не нравился, наслаждаясь властью над чужими жизнями.

В конце концов, сереброволосый мастер меча был вынужден под угрозой Гу Шишу лично извиняться перед Шэнь Нянем. Спина Фу Тинсюэ, подобная одинокому журавлю в инее, всегда была прямой, но ради секты ему пришлось склониться перед посредственным учеником. Жемчужина покрылась пылью, клинок Циншуань был сломлен. В его глазах читалось унижение, но они оставались прозрачными, как лед.

Если смотреть глазами Шэнь Няня, месть удалась на славу, все его тщеславие и алчность были удовлетворены. Юноша, окруженный всеобщей заботой, получил все без малейших усилий: достаточно было улыбнуться объекту соблазнения, и тот приносил ему весь мир.

Шэнь Нянь, словно хвастаясь, обвился вокруг Гу Шишу, как повиликой, и потребовал поцелуй в

награду прямо на глазах у униженного мастера меча. И перед всеми главами сект, и перед Фу Тинсюэ, вынужденным преклонить колени, книжный Гу Шишу поцеловал Шэнь Няня и прошептал:

— Нянь-нянь, если хочешь, я отдам тебе даже свою жизнь.

Почему он в книге стал таким странным под влиянием Системы!

Гу Шишу с отвращением захлопнул книгу. Его глубоко тошнило от осознания того, что существо, носящее его имя и обладающее его силой, действовало вопреки его воле. Непонятный гнев начал жечь его изнутри.

Уставившись на черную обложку, Гу Шишу смотрел на нее с такой яростью, будто хотел прожечь в ней дыру. Небо почувствовало неладное, дернулось в его руке, но он сжал его еще крепче.

Если бы не эта черная книга, он действительно мог бы потерять рассудок и полюбить человека подлого, ленивого и даже внешне посредственного. Он потерял бы себя, свою личность, свою свободу воли, став марионеткой в руках дитя удачи. Он заставил бы Фу Тинсюэ встать на колени.

Что из этого было для него самым невыносимым, заставившим потерять контроль над эмоциями?

Гу Шишу внезапно охватило сильное желание связаться с Фу Тинсюэ. Очень, очень сильное. Он считал себя человеком, который делает все, что хочет, и нет ничего во всех трех мирах, на что он бы не решился.

Он открыл свое пространство, достал стопку талисманов. Это были талисманы передачи голоса, предназначенные только для них двоих: стоило одной стороне активировать их, как голос звучал прямо в ушах собеседника. Неважно, где они находились, были заняты или отдыхали. Высший приоритет.

Когда-то он сделал их много, боясь, что не хватит. Потом перестал ими пользоваться, но они всегда были при нем.

Чем ближе к дому, тем сильнее страх. Как бы Гу Шишу ни убеждал себя в своей дерзости, в последний момент он заколебался.

В конце концов, он направил духовную энергию в талисман. На той стороне царил тишина — Гу Шишу был слишком хорошо знаком с этим молчанием.

Опустив ресницы и тронув губы улыбкой, он скрыл всю свою мрачную нерешительность:

— Давно не виделись, господин Фу.

<http://bllate.org/book/18924/1851383>